

драмы. Варя теряет Ашметьева, но это скорей ее счастье, чем несчастье. Вот почему линия отношений Вари и Ашметьева в спектакле комедийна. Драматично другое: светлые мечты девушки так и не найдут ответа в окружающем ее мире. У Вари ведь нет выхода, по совету Малькова ей только и остается, что «стать умной бабой, детей няичить». В этом крушении иллюзий и начинается звучать намечающаяся в перспективе роли драматическая тема. Пришедший на смену Ашметьеву Мальков не даст Варе подлинного счастья. Именно «и с парком и с Миловидой» не поможет ей стать настоящим человеком. Вот почему Варя — Покидченко выглядит в финале спектакля такой погрустневшей.

Так бытовой, комедийный образ обретает драматизм. Нарушена «чистота жанра»? Но могла ли актриса не заметить Вариной драмы, пройти мимо ее реальных, живых отношений с людьми, играть эту роль только комедийно, ибо так велит «жанр»?

Верное прочтение образа Вари было бы невозможно без точного осмысления фигуры Малькова. Симпатии драматургов как будто на его стороне. В самом деле, Мальков вырывает Варю из рук Ашметьева; паразитизму, ничтожеству «ашметьевщины» Мальков противопоставит трудолюбием, здоровой силой. Он «новый человек», он «дело делает». Но хотели того драматурги или нет, — они развенчивают своего «нового человека» — он скучен, прозаичен, бескрыла его жизненная «философия». Характеристика Малькова выкристаллизовывается в очень тонко найденных драматургами жанровых чертах. Деловито, ловко скупающий именина Мальков заставляет вспомнить Василькова из «Бешеных денег». Васильков и Мальков — одного поля ягоды. Жанровое решение образа вытекает здесь из точно выявленной социальной его характеристики. Артист И. Конкс в роли Малькова несколько не идеализирует, не украшает «спасителя» Вари. В назойливом и тягучем высчитывании «прироста процентов», в трезвой «правильности» Малькова он видит смешное. Комедия вступает в свои права.

Драматическое в образе Вари, комедийное в образе Малькова — все это органично, ярко. Но и в «Дикарке» не всегда закономерен выбор жанровых красок. И это обедняет спектакль, лишает его идейной ясности.

В пьесе есть персонаж, как бы аккомпанирующий образу Малькова. Это Марья Петровна, жена Ашметьева. Она тоже трудится и тоже бросает своеобразный вызов «ашметьевщине». Прежде всего Марья Петровна уходит от мужа. Но каков открывшийся перед нею мир, что обре-

„Дикарка“. Зубарев — В. Агеев, Варя — Е. Высоцкая, Вершинский — А. Гринберг.

«Дачники». Юлия Филипповна — Р. Плескачевская, Басов — Е. Роднолов, Мария Львовна — И. Щеглова

тает она на новой своей стезе? Труд? Но так же, как для Малькова, труд для Марьи Петровны — способ стать «довольно богатой фермершей», и только! Оба они, и Мальков и Марья Петровна, деловиты, деятельны, но к чему направлен их труд, каким благородным стремлением освещен? В пьесе есть упоминание о том, что сочувствующий горю Марьи Петровны Мальков готов утешить ее и... продать ей битюга. Предательская деталь, подсказывающая ироническое отношение к солидарности этих «новых людей», к самой Марье Петровне. Этой авторской иронии не почувствовал театр. Нарастающее разочарование Ашметьевой в своем никчемном супруге играется артисткой О. Соколовой всерьез, и с этим еще можно согласиться. Нетрудно понять, что Марье Петровне и впрямь плохо с человеком, который попросту не замечает ее, бросает на годы и «ухаживает чуть ли не за каждой красивой женщиной». Но можно ли рассматривать уход Марьи Петровны как идейный бунт? И так ли уж драматичен разрыв Ашметьевых? Ведь и богатая фермерша подумывает о любовнике «помоложе и помолодцеватее». Вот почему неожиданной кажется та драматическая углубленность, с какой О. Соколова произносит последний монолог, вот почему решительно неоправдан в нем психологический надрыв. Насколько уместнее было бы играть эту сцену «в жанре», расцветить ее юмором, таким естественным и живым здесь!

Допустима ли в бытовой комедии сатирическая острота образов? Бесспорно. В «Дикарке» есть бытовые фигуры, требующие резкого осмеяния, — Ашметьев, Вершинский, Зубарев. И театр призван так и трактовать эти характеры: определенно, ясно, без того объективистского бытовизма, за которым подчас скрывается равнодушие.

Представитель обанкротившегося либерализма, осколок прошлого Ашметьев (метко назван он авторами!) вырисовывается в пьесе как фигура ярко типическая. Показать его в спектакле водевильным мотыльком, таким грассирующим фатом — далеко не достаточно! Скучающий эстет продает крестьянский хлеб и произносит при этом кучу красивых слов, он обманывает чувство девушки и твердит ей о «красивой форме»; любитель «неизменных законов изящного» аморален и труслив. Неожиданно встретив в Варе человека, а не игрушку, он насмерть пугается: за человека надо отвечать, а «эстет» привык жить бездумно. Все это требует остроты и точности сценического портрета, все это надо играть определенно, а не «вообще».

Выпячивая в сценическом герое одну только черту и тем самым